

Траур в Дождливой пади / Mourning in Rainhollow (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Траур в Дождливой пади / Mourning in Rainhollow (рассказ)

Автор [Дейв Гросс / Dave Gross](#)

Переводчик [СОЦ](#)

Редактор [Михаил Журавлев](#)

Издательство Black Library

Входит в сборник [Inferno! Vol.6](#)

Год издания [2021](#)

Подписаться на обновления [Telegram-канал](#)

Обсудить [Telegram-чат](#)

Скачать [EPUB](#), [FB2](#), [MOBI](#)

Поддержать проект

Аннотация: Верхом на старой, верной лошадке, с розыскным листом в руке, охотница за головами по имени Яннеке Риттер выезжает из Глимсгорна. Она готова на все, чтобы привести дезертира в суд, но дорога до Дождливой пади полна опасностей, а у беглеца в рукаве припрятан не один трюк.

Сорвав розыскные листы всюду, где смогла найти, чтобы избавиться от конкурентов, Яннеке Риттер бросилась по следу дезертира из Глиммсгорна в Сатиров предел. Там чутье подсказало ей сесть на дуардинский баркас, идущий через Простор Нихилус.

В плавании под диковинными аметистовыми небесами Шайша она бок о бок с матросами дала бой разбухшим от воды вурдалакам, которых команда потревожила, пытаясь унести все добро с затонувшего корабля. И вместе с другими уцелевшими Риттер добралась до Сендпорта — живой, но не богаче, чем в начале путешествия.

Чутье вознаградило ее: три разных свидетеля указали, что несколькими днями ранее беглец отправился на север. Накинув для маскировки серый саван с черным капюшоном и красным поясом, Риттер влилась в процессию моррсендских пилигримов, возвращавшихся в город предков.

Прошествовав с ними под изорванными знаменами, свешивающимися с городских ворот, охотница покинула паломников. Ей совсем не хотелось оставаться с ними на семидесяти-семидневный пост, в конце которого они обычно подносили свою кровь древним вампирам, когда-то защитившим их город.

Пара моррсендцев опознала лицо дезертира на розыском листе. Один из них продал тому осла и твердил, что беглец, не вняв предупреждениям о жутких тварях, заполонивших округу, ускакал в Модрхавн. Риттер, скрипя зубами, выложила кругленькую сумму за старую серую лошадку, потертое седло и уздечку. Пара седельных сумок и провизия на неделю еще больше опустошили ее карманы. «Если так пойдет дальше, — ворчала она, — награду я буду получать нищей».

О покупке лошади охотница пожалела уже через три дня после отъезда из Моррсенда. Скакала та сносно, но при резких поворотах на каменистых тропах начинала упираться. Когда же Риттер поддавала ей ногами по бокам, лошадка комично задирала шею назад и недовольно оглядывалась на наездницу.

— Морда лошадиная! — рявкала Риттер. Это дурацкое прозвище всплыло из детства, и теперь она с горьким удовольствием отыгрывалась на настоящей лошади. К тому же — лучше, чем просто называть ее «лошадью», а задумываться над кличкой для животного, которое скоро продашь, не хотелось.

На трудной земле Морду пришлось вести под уздцы, утешая себя мыслью, что пешком больше шансов заметить следы. Так что, когда охотница наткнулась на первый, слезать с седла ей не пришлось, и навоз можно было без промедления ощупать и сказать, сколько он пролежал на земле. Холодный, корочка только начала образовываться, из чего Риттер сделала вывод, что отставала от беглеца примерно на день пути.

Она забралась обратно в седло и гнала Морду, пока та не забыла, как вообще переставлять ноги.

Так они продолжали скакать несколько дней, останавливаясь на привал, когда удавалось найти чистую воду или укрытие от холодных ветров. Седельные сумки пусты, и Риттер пожалела, что не набила кормом рюкзак. Спину она предпочла оставить для ремней со сделанным под себя оружием: двух ружей и меча.

Как и все вещи, которым Риттер давала названия, эти именовались довольно очевидным образом. Тяжелый палаш, шире и короче стандартного армейского, звался «Резаком». Дуардинский болтомет, переделанный для стрельбы сетями и лесками был «Ловцом». А многозадачное огнестрельное оружие, собранное на скорую руку из частей орудий железнопаянных и харадронцев — «Взрывателем». Последнее с разной степенью надежности могло выпускать несколько типов снарядов. Самым верным и одновременно наименее любимым был выстрел дробью. Приводить преступника живым не только

оказывалось выгоднее, но и со временем стало для охотницы поводом для профессиональной гордости.

Как только Риттер начала строже отмеривать корм, Морда то и дело стала сходить с тропы, стоило ей учуять горький аромат растений этого пустынного владения. Риттер надеялась только, что они не ядовиты, и Морда, к счастью, будто бы по запаху определяла, какие трогать не стоит.

— Умнее, чем кажешься, — пробормотала охотница, но, решив, что прозвучало слишком одобрительно, добавила: — Морда.

Пока лошадка жевала осоку, Риттер решила облегчиться и именно тогда, присев на корточки, заметила вдалеке струйку дыма. Она стала наблюдать за ним, щурясь от непривычного пурпурного света здешнего владения. Из-за него сложнее было определять расстояние, и все было каким-то бесцветным. Покончив со своими делами, она поняла, что это не дым, а столб пыли.

Напомнив парой отрывистых и громких команд, кто у них главный, Риттер увела упирающуюся Морду от травы, и вскоре они пустились вскачь, а после — и вовсе помчались галопом к пылевому облаку.

Источником его оказался фургон, запряженный двумя животными: судя по росту, осликами или пони. Что-то не так было с их сцепкой, от чего одно постоянно тянуло фургон на сторону, и вознице приходилось то и дело поправлять его, дергая вожжи.

Заплатанный холщовый тент был сорван, и прямо за спиной у возницы, словно обнаженные ребра скелета, торчали дуги фургона. Внутри, съежившись, сидели трое: один ростом со взрослого и двое поменьше.

То, от чего они спасались, скрывалось в облаке пыли.

Риттер очень сомневалась, что тому, за кем она охотилась, понадобится бы преследовать по этим равнинам чью-то семью. Возьмись он за них всерьез, ему стоило только хлопнуть в ладоши, чтобы развалить их фургон или, хлестнув молнией, избавиться от лошадок.

За помощь незнакомцам денег не заплатят. Может, они вовсе и не бегут ни от кого, а возница просто не справился с упряжкой, когда одно из животных испугалось какой-нибудь белой гадюки.

Издаലെка ветер принес визг. Морда снова задрала голову и зрачки ошалевших глаз как будто с укором уставились на Риттер. Выругавшись, охотница вспомнила, что кое-что не учла в расчетах.

Дети.

— Проклятье. — Риттер пришпорила Морду.

Лошадка сорвалась в галоп, прежде чем наездница успела понять, что та все это время ленилась.

Они подскакали достаточно близко, чтобы рассмотреть пассажиров. У женщины в одной руке были вожжи, в другой — хлыст. Все свое внимание она сосредоточила на напуганном ослике, который в панике все время тащил повозку в сторону. Не спасало и то, что животное было неумело взнуздано простой длинной веревкой. Его напарник, пони, отличался от ослика как послушностью, так и приличной упряжью.

Из фургона вывалился ящик и упал на тянущиеся за повозкой остатки тента и полностью оторвал их. Сидящий сзади мужчина безуспешно потянулся за ним, и Риттер заметила, что его левая рука ниже локтя кончается культей. Мужчина снова согнулся, обняв детей, и все трое с тревогой стали

всматриваться в поднимающуюся сзади пыль. Риттер глядела вместе с ними, а Морда в это время замедлила шаг, будто почуяв кого-то, с кем совсем не хотела встречаться.

Охотница разглядела его глубоко внутри облака. Фигура, темнее взметнувшейся пыли, перепрыгнула через выпавший ящик и подбежала ближе к фургончику. Плечи были сгорблены, как у волка, но прыжки — определенно кошачьи. Перекрывая грохот тележных колес, поднялось жужжание, от которого у Риттер в глотке гнусно защекотало и заныли зубы.

Охотница была уже готова обойти фургон, как внезапно Морда встала на дыбы. И из пыльного облака выпрыгнул еще один преследователь. Его очертания было сложно рассмотреть из-за темной гудящей тучи, но размером он был явно со взрослого волка, а скакал, как горная кошка.

Риттер потянулась за «Взрывателем», и только ее пальцы легли на ружейное ложе, как от удара ее сбросило с визжащей лошади. Охотница свалилась на землю опасно близко к задним колесам фургона и, перекатившись, вскочила на ноги с ружьем на изготовку. Вокруг нее взвилась пыль.

Закрыв глаза от песка, она прислушалась и постаралась уловить рычание или топот лап.

Приготовившись стрелять, опустила предохранитель на барабане «Взрывателя». Она слышала щелчок механизма, грохот фургона, напуганное повизгивание Морды — к счастью, не крики животного, которое разрывают на куски, а того, которое чует хищника.

Она открыла глаза.

Риттер увидела чудовище в рассеивающейся пыли. На нее уставились пустые глазницы, добрая половина шкуры отгнила, обнажив потрескавшийся череп. Там, где были уши, выдавались узловатые обрубки хрящей, по которым ползали жирные белые личинки. Пестрый окрас, подсказывал, что перед ней леопард, но из-за рваных ран на коже пятна просто терялись. Меж продуваемых ветром ребер в разрезах виднелись рассеченные мышцы и жир. Еще более отвратительно смотрелись темные впадины завалившейся внутрь плоти. Именно из этих полостей исходило жужжание.

Расплывчатая завеса выплыла из гниющего хищника и собралась в злобное облако. Сначала Риттер не поняла, что появилось из зверя, но затем сообразила, что это были трупные мухи.

Рой двигался, руководимый общей целью — скорее, как один паразит, нежели как десять тысяч отдельных мух. Чудовище сухо закашлялось, и из впадины в его черепе вылетели еще насекомые. Облако трупных мух сгущалось, а сам зверь подобрался перед прыжком.

Риттер прицелилась, но тяжелая туша придавила ее к земле. Лицо обдало смрадным дыханием, у шеи щелкнули клыки. Через сочленения в доспехе охотница ощутила сотни укусов. Перекатившись, она поджала к горлу плечо, и зловонная челюсть клацнула по ее наплечнику.

Охотница вогнала «Взрыватель» в грудь твари и выстрелила. Ошметки мяса и костей дождем посыпались на нее, а две половины чудовища развалились в разные стороны.

Риттер знала, что, охотясь стаяй, хищники редко дают жертве передышку, и снова кувыркнулась в сторону.

И в то же мгновение рядом с ней опустился еще один зверь. Риттер покатила дальше и, встав на ноги, низко пригнулась. Она перевела переключатель с зарядов дробы на бачок с горючей смесью и пару раз подкачала. На большее не было времени.

Удерживая струю смеси на чудовище, охотница завалилась на спину, чтобы уйти от его прыжка. Напор был слаб, и на лицо ей начали падать капли горячего масла. На миг она испугалась, что обожжется, но, когда щелкнул воспламенитель, машущие крыльями мухи сами разнесли огонь друг по другу.

Вихрь из обуглившихся мух обрушился на Риттер, а хищник подергивая лапами затих на земле. От вони паленой шкуры защипало в глазах.

Она поднялась на одно колено и с «Взрывателем» наизготове стала осматриваться. Но третьего зверя не оказалось. Жужжание насекомых было не громче шепота.

Риттер облегченно вздохнула и заметила, что Лошадиная морда бьет копытом и хлещет хвостом по бокам. Охотница побежала ей на помощь и, сорвав с себя плащ, начала охаживать ее по крупу и плечам, пока последние мухи не разлетелись. Без хозяина насекомые больше не могли действовать, как единое целое.

Возница, с трудом заставляя осла тянуть прямо, повернула фургон обратно. Дети стояли у нее за спиной и выглядывали из-за плеч. Риттер не могла разобрать — это оба мальчика или девочки, или и те, и те. Их личики были точной копией лица их матери, вот только глаза и кудрявые волосы — от их однорукого отца, который как раз спрыгнул с повозки чтобы осмотреть выпавший ящик.

— Прими нашу благодарность, — произнесла женщина. Риттер показалось, что той уже за тридцать, хотя о возрасте тех, кто жил во владении Шаиш, трудно было судить: многие умирали молодыми, те же, кто выживал, выглядели лет на десять старше.

— Целые! — выкрикнул муж. Он достал из ящика мешок и потряс им над здоровым плечом.

— Давай оставим один ей, — предложила жена.

Тот кивнул и, подтащив мешок к Риттер, кинул его на землю.

— Дай корму своей лошадке. Нам до Моррсенда хватит.

— Благодарю, — ответила охотница. Она хлопнула себя по животу. — И, может, немного...

— Да, конечно. — Муж махнул культей детям. — Брин, принеси нам немного того хлеба.

— И еще кое-что, — добавила Риттер.

— У нас мало, — беспокоилась жена. Риттер почти ощутила, как та напряглась.

— Я только спрошу. — Охотница развернула один из розыскных листов. — Вы видели этого человека?

Взгляд, которым обменялись женщина с мужчиной, подсказал Риттер, что видели. Взрослые молчали, а в это время кто-то из детей — теперь, когда можно было рассмотреть их вблизи, Риттер решила, что это девочка — принес заляпанный жиром сверток.

— Спасибо, птенчик. — Отец передал еду Риттер, затем поглядел, как дочь вприпрыжку убежала обратно к фургону, и обернулся к охотнице. — Ты должна дать ему уйти.

— Не могу, — ответила та. — Это моя работа.

— Нельзя же так, — возразил он. — Ты ведь такая же, как он.

Риттер разозлилась. Многие презирали охотников за головами, но назвать ее дезертиром...

— И что ты имеешь в виду?

Жена положила руку на плечо мужа и качнула головой в сторону фургона. Перед тем как уйти, тот тяжело поглядел на Риттер.

— Наши пони едва тащили повозку, — произнес мужчина. — И он отдал нам своего ослика, хотя сам спешил добраться до Дождливой пади.

Жена бросила на него строгий взгляд.

— Иди.

Как только он ушел собирать разбросанные припасы, женщина взглянула Риттер прямо в глаза.

— Если тебе непременно нужно отыскать его, просто иди там, где мы проехали. Но Обитатели ночи уже в Дождливой пади. — С этими словами она ушла.

Риттер опять развернула лист и стала рассматривать изображение.

Как правило, художники старались выделить какие-то черты разыскиваемого, чтобы он смотрелся злодейски, но у этого было приятное лицо, и даже кривая полуулыбка выглядела так, будто он только что пошутил или сказал комплимент. Единственным, что придавало ему зловещий вид, был шрам над глазом в виде половинки звезды, но и от этого он казался скорее сорвиголовой, нежели преступником. А то, как ему нарисовали челку, вообще не ожидаешь увидеть на портрете дезертира. Риттер подумалось, что художнику он просто понравился.

Аккуратно согнув лист, охотница оторвала надпись «РАЗЫСКИВАЕТСЯ: ЭЛДРЕДЖ ДЮЛ» с изображениями стилизованных молний сверху и предупреждения — снизу. Если человек производит на незнакомцев хорошее впечатление, пожалуй, не стоит давать всем понять, что собираешься его арестовывать.

Морда щипнула выброшенный кусок бумаги. Риттер отобрала его и дала ей несколько горстей зерна, после чего заполнила седельные сумки и отправилась по оставленному беженцами следу.

Дождливую падь она обнаружила у подножия модрхавнских гор.

Миновав несколько фермерских участков, охотница стала замечать зеленые полосы мха и плюща, которые росли близ извилистых ручьев, сбегаящих вниз по восточным утесам. Вода из этих потоков собиралась в маленьких рукотворных прудиках и затем попадала в оросительные каналы, либо, растекаясь ручейками, терялась в далеких, едва видных отсюда перелесках.

Два таких пруда расположились по обе стороны большой расселины в толще утеса. Там Риттер обнаружила, что поселение находилось не возле горы, а внутри нее. Вход создавал своего рода обман зрения: расселина слегка по спирали уходила от внешней стороны утеса к ущелью, укрытому стенами, словно парой ладоней, держащих зажженную свечу. Внутри них, невидимая с модрхавнских равнин, и лежала деревушка под названием Дождливая падь.

Укрепленные уступы на несущих стенах выглядели словно пальцы. На вершине, меж зубцов, сложенных из камней разного размера, неподвижно стояли стражники. Риттер сразу же разглядела деревянные рамы, подпирающие высохшие мертвые тела, веревки, которыми копыта были привязаны к иссушенным ветрами телам и небрежно напаянные на голые черепа поржавевшие шлемы. То тут, то там среди

мертвецов проходил с дозором живой стражник.

На звон молотов Риттер вышла к двойным воротам, соединяющим «кончики пальцев» внешних стен. Одна створка с рельефным изображением Нагаша была закрыта, обломки второй — свалены в стороне. Несколько рабочих торопливо колотили новую из уцелевшей железной рамы и досок. Что бы ни снесло эти ворота, оно одинаково легко пробивало дерево и разрезало металл.

Риттер натянула поводья, остановив Лошадиную морду, и показала портрет дезертира человеку, тащившему бочонок с гвоздями.

— Видел его?

Тот указал на третий из четырех переулков, ведущих вглубь деревни.

— Прямо до второго пруда.

Охотница кивнула.

— Лучше поторопись, — добавил рабочий. — Помощь ему не помешает.

Уже второй раз Риттер почувствовала укол обиды. «Он дезертир», — напомнила она себе.

Солнечный свет едва пробивался к пустынным улочкам Дождливой пади. Поленья горели в каждом третьем каменном светильнике, но от этого навесы лишь отбрасывали вверх длинные тени. Окна и двери — на двух Риттер даже заметила символы в виде черепа, нарисованные мелом — были плотно закрыты.

Она услышала лай собак и едва заметила, как те бросились за угол. Три дворняги, разного размера, все грязные, с шальными глазами, они в панике обежали Лошадиную морду с обеих сторон, едва взглянув на нее. С их появлением раздался всплеск воды и донесся горький запах дыма. Вспышка бело-голубого света говорила об ударе молнии.

Цель Риттер была близко.

Охотница спешила и отвела Морду к корыту, которое наполнялось через один из дюжин канальцев, отводящих стекающую по стене утеса воду. Вспомнив о перепуганных псах, она некрепко связала уздцы петель, сняла с плеча «Взрыватель» и подошла к повороту.

Аллея выходила на площадь, окруженную еще двумя улицами и отвесным утесом, усыпанным пятнышками серо-желтого лишайника. Три дома, охваченных пожаром, отбрасывали дрожащий свет на разные стороны площади. Загорелись они, по всей видимости, из-за ударов молнии. Заливать огонь никто не спешил.

В центре площади находился круглый пруд, подпитываемый стекающей с утеса водой, которую направляли несколько плоских камней, установленных на железных подпорках. Возле кромки пруда лежали брошенные ведра и горшки, а также два мертвых тела в растекающихся лужах крови.

Виновник их гибели словно ураган висел над поверхностью воды. Под размытым, темным пятном взмывали и опадали водяные вихри. Существо кружилось так быстро, что Риттер только и смогла рассмотреть какие-то цепи и черный саван. Вглядевшись пристальнее, она увидела зловещую железную маску под капюшоном и большой меч в лишенной плоти руке.

Риттер сама никогда не видела гейстов, но как-то раз слышала, что рассказывали о них грозорожденные

вечные: те считали, что выжить им помогло лишь благословение свыше. Теперь прямо перед ней стоял вернувшийся гейст-мечник.

Обитатель ночи подлетел к человеку, который только поднимался на ноги.

Проломленные ставни за его спиной говорили о том, что беднягу сильно швырнули об стену. Судя по разрушениям, он чудом держался на ногах.

Несмотря на залитое кровью лицо и мокрые волосы, она поняла, что это был Эддредж Дюл. Щеки мага потемнели из-за недельной щетины. От пестрого платья виднелись только обшлага, воротник и подол, остальное было прикрыто пыльным, серым балахоном. На пальцах поблескивали бриллианты. Поднявшись на ноги, он горестно взглянул на оставшуюся в руке половину посоха и отбросил бесполезную палку в сторону. Готовясь к нападению гейста, он принялся чертить пальцами эзотерические знаки и заметил Риттер.

— Не подходи! — прокричал он.

Предупреждение возымело обратный эффект: безглазая маска обитателя ночи повернулась к охотнице, и размытый силуэт с цепями и мечом помчался к ней.

Риттер выстрелила. Приглушенно звякнул металл, но большая часть дроби прошла через ночного призрака без вреда. Черный саван дернулся, но Риттер насчитала буквально пару прорех от попаданий. Гейст этого, казалось, даже не заметил.

Послышался громкий голос Эддреджа Дюла, говорящего на тайном языке, который Риттер уже слышала, но никогда не понимала. От трех долгих слогов вода в пруду поднялась выше крыш. Дюл сделал паузу, дав гейсту подойти к Риттер. С последним слогом пришел гром, и в тот самый момент, когда призрачная сущность гейста обрела вещественность, вся масса воды обрушилась на него, размазав о стену утеса.

Волна отбросила Риттер назад. Охотница споткнулась о высокую грядку и приложилась головой о подоконник. Она услышала, как «Взрыватель» со стуком покатился по мостовой, но видеть могла только ярко-желтые звездочки перед глазами. От попытки встать на нее нахлынула волна тошноты, она решила присесть. Лучше ей, впрочем, не стало.

— Вот, пожуй это. — Чья-то теплая рука сунула в ладонь нечто похожее на корень. Риттер моргнула, но вместо Эддреджа Дюла видела только размазанный силуэт. — Постарайся не двигаться.

Над площадью поднялся шепот:

— ... Никогда... Больше... Не утону. — По мостовой заскребли цепи. — Я выдавлю из тебя душу!

— Ложись! — прошипел Дюл. Он произнес слово силы, и нарастающий визг гейста приглушил невидимый барьер, появившийся между смертными и опускающимся на них могильным мечом.

От ужаса пелена спала с глаз Риттер. Она смотрела, как обитатель ночи заносил клинок и снова, и снова хлестал щит. Каждый раз лезвие останавливалось в дюймах от вытянутой руки Дюла.

— Сможешь добраться до ружья? — Дюл вздрогнул от очередного удара, пробующего на крепость его заклинание. Маг был уже так бледен, что Риттер сомневалась, сможет ли тот выдержать еще один удар.

Она кивнула и выждала, пока гейст-мечник занесет оружие. Кувыркнувшись к «Взрывателю», девушка

заметила, что Дюл двигается вместе с ней. Тот держал щит между охотницей и обитателем ночи, подставляя себя, чтобы защитить ее.

— Выжди, — скомандовал он. — Когда он ударит — станет веществ...

— Давай! — крикнула Риттер.

Охотница прицелилась и, как только Дюл шагнул в сторону, выстрелила.

Зарядом гейсту раздробило костяную руку, меч выбило из кисти. Половина железной маски отлетела; шарики дроби оставили на ней рваные отметины, как от зубов.

Аметистовые энергии шаиш продолжали питать изувеченное чудовище. Оно прохрипело что-то нечленораздельно и угрожающе и потянулось к магу.

В тот самый момент, когда когти гейста сомкнулись на шее Дюла, тот выпалил еще одно заклинание. Заряд энергии взорвался между ними, и обоих отбросило в стороны. Маг упал навзничь, откатился и приподнялся на локте, приготовившись к новому нападению, но необходимости в этом уже не было. Последние осязаемые кусочки испорченной души корчились на мостовой пока наконец не затихли.

Стихающий ужас Риттер ощущала, как тянущуюся по венам ртуть. Они стояли рядом, оба отдувались, уткнув руки в колени, и тогда охотница заметила, что выше мага на добрых шесть дюймов^[1]. Она и так всегда была выше мужчин, но не настолько.

Ее внимание привлек стук копыт. Оказалось, что, вместо того чтобы убежать, Морда решила проверить, как у них дела. Лошадка подошла и уткнулась носом Дюлу в плечо.

— Ах, ты какая смелая, — произнес Дюл. — Твоя защитница, я полагаю?

Риттер вдруг внутренне возмущилась, что Морда подошла к Дюлу. Но какая ей разница, кого там выбрала тупая животина.

— Благодарю вас обеих, — сказал маг. — Ты появилась как раз вовремя, не то я уже начал волноваться, что этого гейста мне не одолеть. К счастью, он был последним.

— Э-м-м... — Риттер отвела взгляд. Она помогла магу, но и тот спас ее ничуть не меньше.

— Ой. — Дюл заметил что-то на залитой водой улице. Он потянулся к промокшей бумажке, и, повинувшись его жесту, та сама взлетела с мостовой к нему в руку. Затем он подул на розыскной лист, и простеньким заклинанием высушил его. — Охотница за головами, а? — Он скорчил рожицу. — А ты хороша, раз так быстро нашла меня.

Риттер размышляла, сможет ли она вытащить «Ловца» и выстрелить сетью до того, как он ударит ее заклинанием. Она подобралась было, увидев, как тот подносит ладонь к губам, но маг только послал ей воздушный поцелуй. Не успела Риттер раскрыть рот, как теплый волшебный ветер высушил ее одежду и волосы. Дюл сделал рукой жест, как будто обмахивал себя веером — тем же колдовством он убрал свои волосы назад и привел в порядок перепачкавшийся балахон.

Он снова улыбнулся. Риттер едва могла смотреть ему в лицо. Она понимала, что маг ей манипулирует, но он казался таким искренним. В улыбке тоже было колдовство?

Решив, что «Ловец» не подойдет, охотница сняла с плеча «Взрыватель» и положила палец на спусковой

крючок.

— Элдредж Дюл, я должна препроводить тебя обратно в Глиммсгорн, где ты предстанешь перед судом по обвинению в дезертирстве.

Тот ухмыльнулся. Что это, какая-то мания или неуместная попытка в очередной раз очаровать ее, Риттер не смогла определить. Опасаясь, как бы маг не выкинул какой-нибудь фокус, охотница внимательно наблюдала за его руками в ожидании колдовского жеста.

Но вместо этого Дюл показал ей свои ладони.

— Просто дай мне немного времени на то, зачем я сюда пришел — после я не стану сопротивляться. Скажи, сколько за меня дают на этот раз?

— На этот раз? — спросила Риттер.

Дюл ущипнул пальцами оторванные края розыскного листа, и там, где он дотронулся, вспыхнуло оранжево-белое пламя. Оторванные кусочки появились снова — выглядело, как будто спичка горит в обратную сторону. Дюл с пониманием присвистнул.

— Дезертирство, вот как. На этот раз старик решил не мелочиться.

— Сказано, доставить живым, — заметила Риттер.

— Везет мне. — Дюл махнул ей следовать за ним, а сам пошел вглубь деревни. Охотница взяла Морду под уздцы и зашагала за колдуном. Тот хорошенько ее оглядел. Глаза задержались на прикладах оружия, выдававшихся из-за спины. От этого ей стало не по себе, и она перевесила «Ловца» на плечо. — Ты случайно не Яннеке Риттер?

— Откуда знаешь, как меня зовут?

— Пару лет назад ты поймала одного моего хорошего друга.

— Ну так мне за это не стыдно. — Охотница стиснула зубы.

— И не должно быть, — рассмеялся Дюл. — Доррен Теил вспылчив, как оррук, и его дважды просить не приходится. Убив в стычке тех солдат, он заслужил наказание. Я только удивляюсь, как ты его доставила живым.

— Было непросто. — Риттер старалась не показать, как ей на самом деле было приятно.

— Еще говорят, ты однажды арестовала грозорожденного вечного.

Они прошли еще немного, но Риттер ничего не ответила. Из домов высыпали люди. Они с надеждой смотрели в сторону площади, где уже потушили огонь. Но никто не радовался, и никто не благодарил их. Все просто вернулись к своему обычному занятию — ожиданию смерти.

— Так ты охотилась за вечным *или нет*? — Дюл вопросительно изогнул бровь.

— Я никогда не берусь за грозорожденных.

Маг поразмыслил немного. Вернулась его раздражающая улыбочка.

— Ага, какой сумасшедший согласится на такое.

— Куда ты меня ведешь? — спросила Риттер. — Мы ни о чем таком не договаривались, и я все еще собираюсь доставить тебя в суд.

— Еще немного вперед, по улице желтых дверей. Вот там, если они не переехали. Теперь, когда Глиммсгорн очистили от Обитателей ночи, нужно перевезти туда кое-кого. — Его голос погрузился, а улыбка опять пропала. — Как ты знаешь, стаи ночных призраков отделились от основных армий, и теперь те, что мы оттеснили от Глиммсгорна, захаживают в такие вот деревушки, как эта.

— И ты, конечно, собирался сдать, когда вернулся бы в город? — Дешевая харизма Дюла начала ее утомлять.

— План не очень продуманный, — признался тот. — Но, как только я услышал, что рассеянные силы Обитателей ночи стали нападать на поселения, я понял, что мне нужно сюда. Командир не дал бы мне увольнительную, так что я просто взял ее сам.

— Да ты с ума сошел, — воскликнула Риттер. — Нельзя просто так уйти из гарнизона, чтобы кого-то там проведать.

— Не просто кого-то. — Вернулась улыбка. — Ты ей понравишься. Тем более, она всегда говорила, что меня рано или поздно посадят.

«Ну конечно, — подумала Риттер, — из-за женщины». Может быть, колдуны и поумнее обычных мужиков, но, когда речь заходит о женщинах, все становятся одинаковыми.

Они отступили в сторону, чтобы пропустить троицу плакальщиков и катафалк, следующий к главным воротам. Задумавшись, какие ритуалы те собираются провести, чтобы умиловить Нагаша, Риттер заметила, как Дюл прочертил возле своего сердца какой-то знак. Непонятно только, магический или религиозный.

Риттер потрянула головой, чтобы прояснить мысли. «Давай, надо огреть этого Дюла по голове, связать руки, заткнуть рот, перебросить через круп Лошадиной морды и вернуться в Глиммсгорн за наградой».

Лошадь заржала, как только они свернули на улицу желтых дверей.

— Здесь. — Дюл ускорил шаг по направлению к дому на углу, но, увидев нарисованный мелом череп, остановился. Ухмылку стерло с лица.

Риттер неожиданно ощутила порыв сочувствия.

— Может, она переехала в другой дом?

Дюл осмотрел цветы в горшках на окне, и лицо его потемнело.

— Нет, лилии еще здесь — Зора ни за что бы не бросила их.

Они подошли к двери, и та открылась, не успели они постучать. На пороге стоял иссушенный горем мужчина. Его глаза увлажнились, как только он разглядел Элдреджа, кулаки то сжимались, то расслаблялись. Риттер уже приготовилась их разнимать, но мужчина прыгнул вперед, прежде чем она сообразила, что делать. Незнакомец крепко обнял Дюла.

— Прости меня, Геррен, — сказал маг. — Я приехал, как только услышал, что в округе разбойничают Обитатели ночи.

— От смерти не уйти, — глухо отозвался тот.

Риттер в ожидании переминалась с ноги на ногу.

— Это моя подруга Яннеке, — представил ее Дюл. — Она помогла мне прикончить последнего гейста.

«Мы не друзья», — напомнила себе Риттер, но сдержалась и не стала произносить этого вслух.

Геррен провел их в просто обставленный дом и предложил чертополоховый чай со слегка зачерствевшим овсяным печеньем. Дюл убрал несколько, и Риттер подумалось, что это для Морды. Она решила отложить все. «Посмотрим, к кому это животное подойдет в следующий раз».

— Это я научил ее печь — как раз после свадьбы, — произнес Дюл, откусывая кусочек.

— Что? — спросила Риттер.

— Раньше Зоре нравились проходимцы, — вставил Геррен.

— Но в конце концов она одумалась, — сказал Дюл, — и прогнала меня задолго до того, как вышла за Геррена.

— Она положила на меня глаз еще, когда мы были детьми, — заметил тот. — Она поняла, что ошиблась, когда ты в первый раз ушел на войну. Не нужно было тебе учиться магии, Элдредж.

— Но я все-таки выучился, к счастью для тебя. Для меня — не очень.

Несмотря на ситуацию, о которой шел разговор, друг с другом мужчины были исключительно дружны. Риттер пожала плечами и решила не вникать в их беседу, хотя там, где она бывала, из нее можно было бы сделать отличную сплетню. Здесь такое было, кажется, обычным делом.

Геррен сложил алтарь из любимых Зориных вещей. Одну за другой они с Дюлом брали их и делились воспоминаниями о женщине, которую оба любили.

Геррен вытянул из ножен длинный обоюдоострый кинжал.

— Как-то раз она наставила его на жадного торговца на рынке. Скажу я вам, тот мгновенно научился торговать честно.

— А эту тарелку она когда-то разбила мне об голову, — сказал Дюл, держа ее в руках. — Если приглядеться, можно увидеть, что в тех местах, где заклинание соединило осколки, глазурь тоньше.

— Со мной она никогда не била посуду, — откликнулся Геррен. — Просто знала, что я не смогу ее починить по щелчку пальцев. Ты прав — хорошо, что я не стал учиться магии.

— Ты просто не доводил ее, как я.

Они рассмеялись.

— Как это началось? — спросил Дюл. Голос его стал тише — он хотел переменить тему. О чем именно он собирался поговорить, было понятно без слов.

— Сначала явился только один, — ответил Геррен. — К воротам пришел чужак, и никто не подозревал, что это за тварь. Далеко за полночь он попросился внутрь. Конечно, ему не открыли, но он продолжал просить. Мы надеялись, что заклятья не дадут ему войти, но, может, нужно было попросить сотню раз,

чтобы они истощились. Если бы у нас был свой маг... Прости, не хотел тебя задеть.

— Я знаю, — отозвался Элдредж, но голос его дрогнул.

— В конце концов он проломил ворота. Мы, конечно, пытались сражаться, но ты сам видел, сколько от этого проку. И что-то не так было с этим обитателем ночи: те, кого он убивал, следующей же ночью поднимались в виде самых разных гейстов.

— Зора тоже с ним сражалась?

— Она всегда была бойцом, — ответил Геррен, отвернувшись к окну. — Уже почти стемнело. Те, кто восстал из мертвых, первым делом приходят к родным. Потому мы и помечаем двери.

— Где сейчас этот чужак? — спросил Дюл.

— Двинулся дальше. Наверное, наигрался с нами, а, может быть, решил, что сделал здесь достаточно, чтобы мы все погибли. Но, благодаря тебе, все гейсты уничтожены. Все кроме одного.

— Может быть, она не будет такой, как другие.

— Нет, — отозвался Геррен. — Она придет за мной. А теперь, раз ты тоже здесь — за нами обоими.

— Тогда убираемся отсюда. Нечего время терять. — Риттер поднялась на ноги.

Мужчины покачали головами.

— Нельзя, чтобы она оставалась одной из них, — сказал Геррен.

— Подумай, сколько душ Зора заберет, если она стала обитателем ночи, — добавил Дюл.

— А ты подумай, сколько мне заплатят, если она убьет тебя!

Геррен поглядел на Дюла.

— Мы можем взять тебя с собой, — сказал маг.

— Мы даже не знаем, превратится ли она вообще, — заметила Риттер. — Ты сам сказал, что со вчерашнего дня того чужака больше никто не видел. Вдруг, чтобы Зора стала гейстом, он должен быть рядом.

— Не думаю, что это так работает, — отозвался Геррен. — Жрецы говорят...

— Ни черта они не знают! — рявкнул было Дюл, но сдержался и продолжил спокойнее. — Они говорят нам лишь то, что мы сами хотим слышать.

— Элдредж, ты ведь колдун, — сказал Геррен. — Как думаешь, что случится?

— Я думаю, прежде чем уйдем, мы должны позаботиться о Зоре.

Еще несколько мгновений все порывались что-то сказать, но осекались — спорить было не о чем. Риттер привела в порядок оружие, заправила бачок огнемета и снарядила патроны «Взрывателя» дробью. Дюл ловко наложил себе и Риттер на раны целебную мазь и сменил повязки. Геррен приготовил, что осталось, на ужин и дал Морде немного корма.

Дюл кивнул на дверь, и они с Риттер вышли.

— Присмотришь за Герреном, ладно?

— Не думай, что сможешь так легко сбежать. — Охотница нахмурила брови.

— И в мыслях не было. — Впервые его улыбка показалась вымученной. Наверное, не от того, что он врал, а от того, что задумал предпринять. — Если мне удастся привлечь ее внимание, ты сможешь незаметно выстрелить. Даже не придется отводить от меня глаз. Я буду прямо перед тобой, вместе с твоей телохранительницей.

— С Лошадиной мордой?

— Ты зовешь свою лошадь Лошадиной мордой? — Дюл был ошарашен.

— Не бери в голову, — ответила Риттер. — Я буду следить за тобой.

— Хорошо. Если призрак будет выглядеть, как живая Зора, я могу замешкаться. Уверен, ты — не станешь.

— Ты же лучше меня знаешь, что после смерти обитатель ночи выглядит по-другому. Тебе не придется смотреть на ее милое личико.

— Ты права, — сказал Дюл, — но красота не в лице, а в том, что делаешь. Помнишь, как Морда пришла проведать нас на площади? Я считаю, что это красиво. И она заслужила имя получше.

Риттер фыркнула.

— Ладно, так что ты собрался там делать?

— Я сотворю могучее заклинание, — произнес он торжественным тоном, явно кого-то передразнивая.

— Уверена, ты это говоришь каждой девчонке. — Риттер тут же пожалела о своей шуточке — слишком уж походило на флирт, искусство, которое ей никогда не давалось.

— Я правда говорю это каждой девчонке, — подмигнул ей Дюл, — но только прямо перед тем, как сотворить могучее заклинание.

А это точно был флирт, и Риттер не собиралась подыгрывать колдуну. Пока не стало совсем неловко, она ушла.

Все были начеку: двое в доме, с потушенными свечами, Элдредж — на улице, освещенной только каменными светильниками. По оконному стеклу поползли морозные жилки, которые почти сразу таяли кровавыми ручейками. Где-то на крыше дома кот испустил такой длинный и протяжный вопль, что у Риттер занули зубы. После того, как жуткий, наполненный болью визг ознаменовал его смерть, Риттер обнаружила, что наступившая тишина была еще ужаснее. Скоро она расслышала отдаленный всплеск на площади с прудом. Наконец и этот неясный шум соединился с нарастающим стоном. Это был голос скорбящей женщины — но не живой. Гейст. Банши.

— *Ге-р-р-е-е-е-н!*

— Зора! — Вдовец зажал рукой рот, тщетно пытаясь удержать рвущееся наружу имя.

— Зора, я вернулся за тобой! — прокричал с улицы Дюл.

— *Эл-л-л-дредж*, — завыл бесплотный голос. — *Я чую на тебе колдовство, магию, которую ты всегда*

уносил с собой, когда покидал меня.

Риттер осмотрела улицу в поисках призрака, но там были только дрожащие тени от шагающего взад-вперед Дюла. Маг снова позвал банши, чтобы привлечь ее внимание к себе.

— Нет! — Сидящий в доме Геррен охнул. Его глаза были прикованы к алтарю с вещами Зоры. Кинжал его жены плыл над столом, лезвие сияло морозно-белым.

— Отойди! — Риттер прицелилась в кинжал, но не выстрелила, решив, что не остановит гейста, повредив оружие. Придется ждать, пока Зора обретет плоть.

Геррен шагнул от алтаря, случайно встав на линии огня.

— Уйди с дороги.

На спине у Геррена на рубашке появилось пятнышко крови, потом еще одно и еще, и еще. Быстрые удары прорезали его худое тело. Когда кинжал поднялся в последний раз, тело мужчины осело на пол. Над ним парил призрак Зоры.

Укрытая саваном, цвет которого нисходил от ало-красного на голове к лилейно-белому у подола, банши держала окровавленный кинжал в брезгливо вытянутой руке, будто это крыса, вытащенная из кастрюли с супом. Там, где под капюшоном должно было показаться лицо, лишь выдавалась, заменившая костяную, металлическая челюсть. Единственным украшением ночного призрака были песочные часы, выглядывающие из-под кожаной куртки. Песок внутри часов не двигался.

Риттер выстрелила. Заряд разнес алтарь Зоры, но сам призрак ускользнул. Банши пролетела сквозь запертую дверь, оставив после себя изморозь на желтой краске.

Охотница хотела было броситься за ней, но передумала. Обитатели ночи были хитры. И вместо этого Риттер выпрыгнула в открытое окно, перекатилась через плечо и встала, готовая стрелять. Однако у двери банши не оказалось. То, что она увидела, напугало ее сильнее.

Элдредж Дюл находился на улице через два дома, ноги широко расставлены, руки размашисто рисовали тайные узоры. Над его головой возникало громадное пурпурное солнце, темный свет которого создавал причудливые тени по всей улице желтых дверей. С поверхности солнца вопил огромный череп, и этот вой был куда громче всхлипываний банши.

Сделав изящный жест, Дюл обрел над солнцем контроль и запустил его в Зору.

Та выронила кинжал и обеими руками потянулась навстречу, словно приветствуя свою гибель. Однако вместо этого от ее крика по поверхности аметистового заклинания пошла рябь. Солнце задрожало и, съездившись, проскользнуло между руками Зоры, а затем исчезло в ее широко раскрытой пасти. Куда оно делось после этого, Риттер было сложно сказать.

— Ты кормишь меня, Дюл, — захохотал призрак. На саване вздулись вены, будто это была плоть, ибо за то, чтобы проглотить могучее заклинание Дюла, пришлось платить. — *Покажи мне еще той магии, которую ты любил больше своей жены! Дай мне пожрать ее так же, как вскоре я...*

Неожиданно гейст обернулся и с воем устремился к Риттер.

— Зора! — Маг выбросил руки в сторону банши, и с его пальцев, как капли воды с мокрых рук, слетели колдовские огоньки. Капюшон Зоры повернулся к магу, и в этот самый момент один из магических

зарядов на полной скорости врезался в нее.

Банши зашипела и сплюнула, от злости забыв об охотнице. Второй разряд прошел сквозь бесплотное тело, и Зора направилась к бывшему возлюбленному.

— Дюл, защиту! — закричала Риттер.

Кинжал Зоры воткнулся глубоко в грудь мага. Тот изогнулся, и Риттер оставалось только надеяться, что этого движения хватит, чтобы лезвие не вошло в сердце; удар в легкое, впрочем, тоже мог оказаться смертельным.

Риттер почувствовала, как что-то тяжелое легло ей на плечо. Это в нее уткнулась Лошадиная морда: то ли ей захотелось ласки, то ли она предлагала убираться отсюда. Закинув «Взрыватель» за спину, Риттер забралась на лошадь.

Не дожидаясь, пока охотница пришпорит ее, Морда поскакала к Дюлу. Тот, зажав рукой рану и едва держась на ногах, пятился от банши. Риттер схватилась за гриву лошади и потянулась вниз, чтобы подобрать мага; к счастью, тот не оказался тяжелее, чем выглядел.

— К пруду, — выдохнул он. Замавав ему подбородок, на губах лопнул красный пузырек.

— *Беги, куда хочешь!* — заскрежетала Зора. — *Я поймаю тебя. И, когда это случится, я не стану торопиться. О, как же я растяну удовольствие. Как я буду смаковать...*

Банши бросилась за ними. В отличие от нее Морде приходилось притормаживать на поворотах, и скоро расстояние между ними сократилось.

— На другой стороне... Воды, — прохрипел Дюл. В свете фонаря увидела, что за несколько часов, минувших с тех пор, как маг осушил водоем, тот снова наполнился. Она начала понимать, что задумал колдун.

Она аккуратно спустила его с лошади и встала рядом, раздумывая, какое оружие достать. «Взрыватель» сработал так себе, близко сходить с банши, чтобы задействовать «Резак», не хотелось — если вообще предположить, что удастся угадать время и ударить в тот момент, когда гейст будет обретать плоть.

Морда шарахнулась в сторону, не в силах решить бежать ей или драться. Затем по неведомой причине замерла на месте.

При помощи нескольких неуверенных пассов Дюл наколдовал напротив угловых домов световые шары, и это оказалось как раз вовремя, чтобы заметить появление Зоры.

— *Вот ты где, мой блудный муж,* — прогудела она. Банши проплыла вперед, но в нерешительности остановилась у края воды. — *Ай, ай, ай!* — И вместо того, чтобы перелететь через поверхность пруда, она заскользила вдоль берега.

— Попробовать стоило, — произнес Дюл. — Но она помнит моё любимое заклинание.

— Удар молнии, — отозвалась Риттер. — Ты хотел, чтобы она была над водой.

— Просто теперь обойдемся без дополнительного «бум».

— Не обязательно. — Риттер достала из кобуры «Ловца» и удостоверилась, что стоит нужный барабан. Затем она погрузила оружие в пруд и дала ему хорошенько набраться воды.

— Ты что делаешь?

— Будет непросто, — ответила Риттер. Она взяла Морду под уздцы и пошла подальше от Дюла. — Нужно, чтобы она сперва ударила тебя.

— Не знаю, выдержу ли еще один...

— Идиот! По магическому щиту.

Дюл раскрыл было рот, потом закрыл обратно.

— Затем быстро швыряй свою молнию. Сам поймешь, когда.

— Ясно.

Банши подобралась ближе, помедлила и двинулась не к Дюлу, а к охотнице.

Это всё усложняет, подумала Риттер. Рядом зафыркала и забила копытом Лошадиная морда. По всем правилам она должна была с громким ржанием умчаться прочь, но сейчас в нее как будто вселился дух непокорности.

А, может быть, она тоже заметила, что банши любит делать ложные выпады.

Зора рявкнула на Риттер, при этом ее капюшон сложился, будто бы в жуткой ухмылке, и поплыла к Дюлу. Маг сотворил колдовской щит и сжался за ним. Чтобы лучше прицелиться, из-за веса снаряда Риттер пришлось встать на одно колено. Стоило ей нажать на спусковой крючок, мокрая сеть со шлепающим звуком невысоко взлетела и в тот самый момент, когда покрытый инеем кинжал ударил в щит Дюла, тяжело упала на Зору.

Когда сеть накрыла гейста, маг откатился в сторону, рассеяв свой колдовской барьер, и в тот же миг прокричал жуткие слоги, призывая бурю. Молнии заплясали у него в глазах и перепрыгнули на пальцы. Сверкающая энергия объяла вымоченную в воде сеть, пар повалил во все стороны, и в этом оглушительном шипении стих последний звук скорбного стона. Наконец рассеялись едва осязаемые останки Зоры, сохранился только ее любимый кинжал.

Дюл подполз по мостовой к клинку и протянул было руку, но передумал. Он встал перед ним на колени и накрыл ладонями, как будто вбирая в себя последнее его тепло.

Риттер подошла к нему сзади. Она не решилась положить ему руку на плечо, но стояла рядом достаточно долго, слушая, как тот бормочет что-то, прощаясь с женщиной, которую любил, и с другом, который любил ее после него.

Четыре дня спустя, Дюл поправился достаточно, чтобы, прихрамывая, ходить пешком.

После похорон Геррена они жили в доме, который тот делил с Зорой. Дюл старался скрыть скорбь, но Риттер замечала, как он бродит по дому, сидит временами у определенного окна, любит рисунком, нацарапанным над очагом, как будто старается напомнить себе о более счастливых временах и пытается утвердить их у себя в памяти.

Он вытащил камень из стенки очага и достал три кожаных мешочка. Один он открыл, и в нем оказалось немного мирокамня.

— Чуть больше, чем я думал, — заметил он. — Сможешь обменять их на припасы — хватит с удобством добраться до Глиммсгорна.

— Кстати, об этом, — сказала Риттер. — Я тут подумала, что прежде нам стоит отыскать того чужака, который заварил здесь всю кашу. Только представь, сколько горя он принес Дождливой пади всего за одну ночь, и, если дать ему уйти, скоро мы наткнемся на целую стаю Обитателей ночи.

— А я думал, что ты спешишь получить награду за мою поимку.

— Кто знает, сколько душ получит это чудовище, пока ты сидишь в тюрьме.

— Ох, я никогда там надолго не задерживаюсь. — Маг подмигнул, и шрам в виде половинки звезды изогнулся.

— Пусть так, но мне будет спокойнее, если мы сначала доберемся до него. Морда — согласна.

— И сразу назад, за наградой? — Улыбка Дюла стала мягче, и Риттер поняла, что она его не проведет. Что-то менялось в их отношении друг к другу. — Здешние старейшины нашли кое-кого, кто благословит им ворота. Думаю, они будут только рады, если мы уберемся отсюда. К тому же кто-то обмолвился, что чужака видели по дороге в Горекамень.

— Если будем скакать по очереди, доберемся туда за пару дней. — Охотница припомнила, как могла, местные карты.

Дюл кивнул и махнул рукой, чтобы та забиралась в седло. Риттер удержалась, чтобы не предложить ему ехать первым. Ведь тот, кто сначала идет пешком, позже сможет насладиться отдыхом. Она вдела ногу в стремя и взлетела в седло. Дюл повел их, остановившись только на местном базарчике, чтобы обменять щепоть мирокамня на мешок свежих фруктов и солонину. Морда прошла за ним через отремонтированные ворота, то и дело подталкивая носом в плечо.

— Знаешь, — сказал Дюл, — в Горекамне у меня есть один друг, который сможет переместить нас в Глиммсгорн. — Он достал пару яблок насыщенно-пурпурного цвета, подкинул одно Риттер и сделал вид, что кусает его. Когда Морда протестующе заржала, маг усмехнулся и отдал ей свое.

Риттер стала размышлять, не дразнит ли он ее, как Морду, и вдруг ей в голову закралось подозрение.

— Только не говори, что у тебя там еще одна бывшая жена.

— Ладно. — Дюл достал из мешка третье яблоко и потер его о рукав.

— Что — «ладно»?

В ответ тот лишь захрустел яблоком.

1. 15,24 см

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Траур_в_Дождливой_пади_/_Mourning_in_Rainhollow_\(рассказ\)&oldid=21124](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Траур_в_Дождливой_пади_/_Mourning_in_Rainhollow_(рассказ)&oldid=21124)

Эта страница в последний раз была отредактирована 10 сентября 2022 в 18:45.